

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ТАТАР-БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Вынужденная миграция 1990-х годов из постсоветских государств затронула многие регионы России. Затронула она и Республику Татарстан. Специфика вынужденной миграции в Татарстан связана с этническим составом переселенцев: по данным официальной статистики, к концу 2000 года численность официально зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев в республике составила 44262 человека, причем 34447 из них, или 57,6%, составляют татары. Одним из наиболее дискутируемых предметов этнологического анализа является вопрос о культурной дистанции между локальными группами этнической общности и ее основным массивом. Отечественные исследователи подчеркивают различия между этими группами по параметру значимости этнической идентичности и степени ее актуализации в структуре социальной идентичности. Какие категории составляют содержательную структуру этнического самоопределения беженцев и вынужденных переселенцев? Этот вопрос стал одним из направлений этносоциологического исследования, проведенного автором среди татар-мигрантов, проживающих в Татарстане и имеющих статус беженца или вынужденного переселенца. Всего было опрошено 210 человек¹.

Этническое самосознание понималось нами как осознание принадлежности к этнической группе, образ «мы», этнические интересы. Данные, полученные с помощью известного теста М.Куна и Т.Макпартленда «Кто Я?», показали, что у вынужденных мигрантов потребность в этничности является важной и более актуализированной частью интегрированной потребности в множественной социальной идентичности: по отношению к общему числу самохарактеристик мигрантов национальную принадлежность выделили 13,2% респондентов (для сравнения: среди татар – постоянных жителей Татарстана этническую самооценку определили 9,6% опрошенных²).

Этническое самосознание включает в себя различные компоненты: когнитивный – совокупность представлений о своем народе, образ «Я», эмоциональный и поведенческий.

Ответ на вопрос «Что вас роднит с людьми вашей национальности?» показал широкий разброс мнений (таблица 1).

Наиболее значимыми представлениями переселенцев и постоянных жителей РТ об основных признаках своего этноса являются язык, культура, родная земля, религия, историческое прошлое. Перечисленные категории как внутригрупповые интегрирующие характеристики в большой степени актуальны для татар, постоянно проживающих в Татарстане, чем для мигрантов. Особенно

существенные различия наблюдаются по языковому, религиозному параметру и категории психологических особенностей группы. Мы попытались разобраться в природе этого явления. Идентификация по языковому признаку во многом определяется реальным языковым поведением индивида. Вынужденные переселенцы демонстрируют невысокую степень владения родным языком, лишь 30,3% опрошенных совершенно свободно говорят, читают и пишут на татарском языке, тогда как среди татар – постоянных жителей республики этот показатель составляет 68,0%³. Знание родного языка обуславливает существенные различия в соотношении языков, употребляемых в домашнем общении (таблица 2).

У переселенцев это соотношение в пользу русского. Выше среди них доля практикующих двуязычие. Тогда как коренные татары отдают большее предпочтение родному языку, в том числе и на работе.

Таблица 1

**Компоненты этнической идентичности мигрантов
и постоянного населения Татарстана, %**

	Татары - мигранты	Татары – постоянные жители*
Язык	63,6	76,9
Культура, обычаи, обряды	60,6	66,8
Родная земля, природа	49,2	50,8
Национальные черты, характеристика, психология	6,1	21,4
Религия	22,0	33,5
Исторические судьбы, прошлое	21,2	21,7
Общая государственность	17,4	18,1
Внешний облик	4,5	6,6
Что-то другое	3,0	1,6
Ничего не объединяет	3,0	-

* Данные по проекту «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (рук. Л.М.Дробижева). Ист.: Мусина Р.Н. Республика Татарстан: межэтнические отношения, этничность и государственность /Суверенитет, этническое самосознание, идеология и практика. – М., 1995. – С.163.

Таблица 2

Тенденции языкового поведения татар-мигрантов и коренных татар, %

	Языки общения на работе	Языки общения дома
Вынужденные мигранты:		
татарский язык	6,1	19,1
русский язык	37,1	31,1
оба одинаково	30,3	48,5
не ответили	26,5	0,8
Коренные жители*:		
татарский язык	10	45
русский язык	40	18
оба одинаково	50	37

* Данные по проекту « Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (рук. Л.М.Дробижева). Ист.: Коростылев А.Д. Язык – источник согласия и противоречий// Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России/ Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1998. – С.193.

Менее значимым компонентом этнической идентичности для мигрантов по сравнению с постоянным населением является религия. Существенная зона различий проявляется по уровню религиозности и пониманию сущности религии. По данным нашего исследования и научно-исследовательского проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (рук. Л.М.Дробижева), более половины респондентов отнесли себя к более или менее верующим: среди постоянных жителей – 66,6%⁴, мигрантов – 72,7%. Однако среди последних ниже доля колеблющихся и «неверующих». Эта тенденция имеет место и при сравнении с данными исследования по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (рук. Л.М.Дробижева). В 1997 г. доля неверующих среди коренных татар составила 4%, колеблющихся – 55%⁵.

Более высокий уровень религиозности беженцев объясняется, по-видимому, двумя причинами: во-первых, вектором миграции (преимущественно из государств с традиционной и «родной» для мигрирующих татар мусульманской религией), во-вторых, характером переселения. В условиях потери или лишения родных, друзей, статуса, профессии, собственности, сбоя в социальных слоях и ценностях религия для мигрантов становится компенсирующим фактором. Это предположение согласуется с данными по вопросу: «Что, на ваш взгляд, дает возрождение религии?». Каждому четвертому респонденту религия «помогает перенести трудности жизни», еще 43,9% подчеркнули ее нравственно-эстетическую сторону (таблица 3).

Таблица 3

**Ответы вынужденных мигрантов и постоянного населения на вопрос:
«Что, на ваш взгляд, дает возрождение религии?», %***

	Вынужденные мигранты	Коренные жители**
Улучшает нравственное состояние общества	43,9	55,8
Помогает перенести трудности нашей жизни	25,8	29,5
Способствует подъему национального самосознания	3,8	18,5
Способствует восстановлению национальной культуры и традиций	17,4	42,5
Способствует национальным конфликтам	3,0	7,9
Отвлекает от борьбы за социальные права граждан	5,3	4,2
Другое	1,5	-
Не ответили	13,6	-
Всего	114,4	158,6

* Сумма не равна 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

** Ист. и данные по проекту «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность». Я.З.Гарипов, Р.И.Зиннурова, Р.М.Миннуллин, Р.Н.Мусина, Р.М.Мухаметшин, Л.В.Сагитова. – Казань: РИЦ «Школа», 2000. – С.55.

Данная таблица демонстрирует еще одну зону существенного различия этнического самосознания вынужденных переселенцев – представления о содержании религии. В случае с татарами – постоянными жителями наблюдается высокая роль религии в структуре этнического самосознания при невысоком уровне религиозности и формах ее проявления: 42,5% постоянных жителей

считают, что религия способствует восстановлению национальной культуры и традиций. Среди вынужденных мигрантов этой позиции придерживается лишь 17,4% опрошенных. Очевидно, это объясняется влиянием цивилизационных особенностей локальных вариантов ислама. По мнению ряда исследователей, ислам в Татарстане является элементом культуры, несущей символическое значение, тогда как для среднеазиатских регионов религия выступает отдельной ценностью, что мы и можем наблюдать.

И, наконец, значимость психологических особенностей в этнической идентификации вынужденных переселенцев несет важное маркирующее значение. Ряд отечественных исследователей зафиксировали не только особенности поведенческой культуры, быта, групповой психологии региональных субкультур русского этноса, но и показали их субъективное осознание представителями этих групп – русским населением России⁶. Нам удалось обнаружить, что и среди татар-переселенцев основной дистанцирующей категорией оказались психологические особенности как самой мигрирующей группы, так и постоянного населения.

Согласно модифицированному варианту методики Катца и Брели, всем вынужденным мигрантам и коренным жителям, попавшим в нашу выборку, предлагалось назвать 5–6 определений характерных, по их мнению, особенностей для представителей обеих исследуемых групп. В результате анализа полученных данных нам удалось обнаружить у мигрантов четкую позитивность образа «мы» и негативность образа «они» (местные жители). Среди позитивных черт автостереотипа мигранты называют «соблюдение традиций», «энергичность», «общительность», «самостоятельность», «гостеприимство» и т.д. (в сумме около 74%), тогда как доля положительных качеств в гетеростереотипах постоянного населения составляет лишь 31%: «трудолюбивые», «чистоплотные», «терпеливые» и т.д. Сравнивая самохарактеристики жителей с тем, как они характеризуют приезжих, было также замечено преобладание позитивного оценочного компонента в автостереотипах и негативного в гетеростереотипах. В условиях длительного проживания в иноэтническом окружении в локальных группах татарской общности сформировалась особая система ценностей, которая регламентирует их поведение в новых обстоятельствах. Это осознается переселенцами. Поэтому при высоком уровне этнического самосознания психологические особенности для них становятся малозначимым критерием идентификации со своей общностью.

В качестве эмоциональных образований этнической идентичности особо выделяется «стремление к психологической общности с группой» – социальный мотив аффилиации. Этноаффилиативные установки изучались нами на основе методической разработки Г.У.Солдатовой, С.В.Рыжовой. В исследование было включено две пары суждений: «Никогда не забываю о своей этнической принадлежности», «Я редко задумываюсь, кто я по национальности». Анализ данных показал, что выраженность этноаффилиативных установок среди мигрантов составила 64,4%, постоянных жителей – 50,5%⁷.

В этническом самосознании присутствует регулятивный, поведенческий компонент: в условиях этноконфликтной ситуации идентичность может приобрести те или иные дискриминационные формы или, напротив, возможен отход от собственной этнической идентичности и поиск других форм группового самосознания. Усиление этнического компонента в структуре идентичностей вынужденных мигрантов вызвало предположение о гиперболизации этничности. Оценка этнической идентичности осуществлялась по степени этнической толерантности – показателя реально значимого кризиса самосознания в условиях межэтнического взаимодействия. Отклонения от «нормы» (соотношение позитивного образа собственной этнической группы с позитивным

отношением к другим группам) могут происходить по типу этноэгоизма, этнонационализма и национального фанатизма⁸. В ходе интервьюирования респондентов просили завершить фразу: «Вы можете сказать о себе, что Вы человек...» посредством хода суждений, выступающих индикаторами гиперэтничности: этноэгоизма («раздражаюсь при близком общении с людьми других национальностей»), этнонационализма («считаю, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации»), национального фанатизма («считаю, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа»).

Сравнительный анализ типов этнического самосознания и местного населения и вынужденных переселенцев показал, что этническая принадлежность, несмотря на ее актуализацию в структуре социальной идентичности последних, приобретает статус «нормы» (таблица 4). Вопреки бытующему мнению о конфликтном потенциале беженцев, наши исследования показали высокий уровень толерантности в этой группе, стремление мигрантов к благожелательным отношениям. Этот тезис хорошо согласуется с результатами исследования аффективно-эмоциональной сферы вынужденных переселенцев В.В.Гриценко: «Доминантные и агрессивные тенденции у большинства исследованных мигрантов не превышают тенденции к социальному сотрудничеству. Более того, среди «адаптивных» возможностей преобладает не пассивное приспособление и зависимость, а стремление к активному сотрудничеству, установлению дружеских связей с социальным окружением».⁹

Таблица 4

**Характеристики типов этнической идентичности
вынужденных мигрантов и постоянного населения, %**

	Вынужденные мигранты		Коренные жители*	
	да	нет	да	нет
1	31,1	64,2	36,0	59,9
2	2,0	97,3	3,8	93,5
3	6,4	92,2	19,2	73,2

1. Считаю, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации.
2. Раздражаюсь при близком общении с людьми других национальностей.
3. Считаю, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа.

* Данные по проекту «Социально-экономическое неравенство проблемы интеграции в РФ» (рук. Л.М.Дробижева).

Итак, этническое самосознание беженцев и вынужденных переселенцев, его уровень и структура несут важное маркирующее значение, являются важным параметром культурной дистанции между локальными группами и основным массивом татарской общности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автором было проведено этносоциологическое исследование «Социокультурная адаптация татар-беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан» в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы диаспоры и миграционного обмена национальных республик России: реальность и перспективы», реализованного в 1998–2000 гг. при поддержке РГНФ (№ 98-03-04376). Руководитель проекта Я.З.Гарипов. Методом анкетного опроса были опрошены вынужденные переселенцы, проживающие в п.Инеш Высокогорского района, п. Клыки (г. Казань), а также по месту регистрации в Миграционной службе Татарстана.

² Данные исследовательского проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (рук. Л.М.Дробижева). Ист.: Дробижева Л.М., Аклаев А.З., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996. – С.303.

³ Данные исследования «Социально-экономическое неравенство и проблемы интеграции в Российской Федерации».

⁴ Данные по проекту «НИК», городское население.

⁵ *Коростылев А.Д.* Религиозность в контексте межэтнических отношений // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России /Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1998. – С.200.

⁶ См.: Филиппова Е.И. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты, интеграция и возвращение / Отв. ред. В.А.Тишков. – М., 1997; Солдатова Г.У., Шайгерова Л.С. От гражданина до беженца: ценности и мотивы поведения русских ближнего зарубежья// Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества /Отв. ред. Л.М.Дробижева. – М., 1994; Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. – М., 1999.

⁷ Данные по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (рук. Л.М.Дробижева), городское население. Ист.: Рыжова С.В. Этническая граница глазами русских в республиках и областях Российской Федерации // Социальная и культурная... Указ. соч. – С.298.

⁸ Для измерения типов этнической идентичности вынужденных переселенцев использовалась методическая разработка Г.У.Солдатовой, С.В.Рыжовой. Ист.: Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.

⁹ *Гриценко В.В.* Русские среди русских. Указ. соч... – С.107.

Г.Ф. Габдрахманова,
*кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
отдела этнологии Института истории АН РТ*